

**ПОД ПРЯНЫМ
СОЛНЦЕМ
КИШИНЁВА**

ПОД ПРЯНЫМ СОЛНЦЕМ КИШИНЁВА

Альбом стихов и графики.

Составители: Маргарита Щелчкова,
Татьяна Опря

Редактор: Олеся Рудягина

Литературный
консультант: Александра Юнко

Художник: Сергей Сулин

Благодарим Министерство Культуры Республики Молдова за помощь в издании Антологии.

Ассоциация русских писателей РМ выражает искреннюю благодарность Международному Сообществу Писательских Союзов (Москва, Россия) и лично его руководителю И.И. Переверзину за оказанную поддержку.

Благодарим коллектив типографии «Metrompaş» за высокий профессионализм, благородство и многолетнее безупречное сотрудничество.

Editat cu sprijinul Ministerului Culturii.

Aprobat de Comisia de selecție pentru editarea cărții naționale.

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Под пряным солнцем Кишинева / Bibl. Mun. V.P. Nașdeu, Bibl. de cultură și literatură rusă M.V. Lomonosov, Ассоциация русских писателей РМ, Товарищество русских художников РМ М-АРТ ; сост.: Маргарита Щелчкова, Татьяна Опря ; худож.: Сергей Сулин. – Кишинэу : Б. и., 2017 (Tipogr. «Metrompaş»).

– 280 p. : il.

Bibliogr.: p. 271-277. – 150 ex.

ISBN 978-9975-3164-1-5.

От составителей

Название данного сборника – «Под пряным солнцем Кишинёва» напрямую связано со стихотворением Игоря Северянина «О том, чье имя вечно ново», написанным в 1933 году. В нем спаяно воедино имя нашего города с именем Александра Сергеевича Пушкина, первым нанесшим Кишинёв на литературную карту мира. Насыщенная культурно-духовная составляющая нашей столицы, ее образ, где, кажется, сам воздух напоен поэзией, красотой и любовью не могли не найти отражения в художественной литературе.

Сборники литературных посвящений Кишинёву, выходившие в разные годы в республиканских издательствах, не ставили перед собой задачу максимально полного включения всех материалов. В них не вошло значительное количество великолепных стихотворений, посвящённых Кишинёву, оставшихся потому малоизвестными широкой читательской аудитории.

Идея составления книги стихов о Кишинёве на русском языке, с целью восполнения имеющегося пробела, возникла у нас достаточно давно, еще в восьмидесятые годы прошлого столетия, когда библиотека составляла и вела картотеку стихов о Кишинёве. Собранные в течение многих лет поэтические материалы легли в основу проекта создания альбома стихов и графики, посвященных столице.

Нашими партнерами по данному проекту стали Товарищество русских художников *M-ART* и Ассоциация русских писателей Республики Молдова.

Издание охватывает период с XX – начала XXI века и включает как произведения хрестоматийных авторов и поэтов Ассоциации, так и стихи поэтов-любителей.

«Объять необъятное» невозможно, но стремиться к этому необходимо. Хочется верить, что сборник «Под пряным солнцем Кишинёва» станет новой главой большой «Кишинёвской саги», ведь поэты и художники, как обращались к этой неисчерпаемой теме, так и будут обращаться впредь.

«...вышний воздух Кишинёва»

Кишинёв – город вполне мистический, при всей его прозрачности и отсутствии изобилия помпезных презентационных объектов. В самом деле, «намоленные» места для демонстрации гостям столицы можно перечислить по пальцам одной руки, – не в пример мировым брендовым столицам, однако наш белый город не отпускает от себя тех, кто в нём родился, или прожил значительный отрезок времени. Его обитатели на всю жизнь запечатлевают в сердцах особый код и ритм утопающих в зелени «рышкановских», «ботанических», «боюканских», «чеканских» или центральных улиц, благоухающих то сиренью, то акацией, то липой, (маттиолой, душистым табаком, жимолостью...), то прелой осенней листвой, запахами пьянящего муста, хозяйских солений-маринадов на зиму; то несказанным весёлым арбузным ароматом долгожданного первого снега и печным дымком окраин... Часто тот, кто беспечно простился с ним, устремившись к новым блистающим горизонтам, ловит себя на мысли, что здесь – за Воротами Города – оставлено что-то настолько значительное и настоящее, что никакие мыслимые материальные блага и комфорт никогда этого не заменят. Не однажды ловила я горькие взгляды прилетевших вдруг на короткую побывку бывших сограждан. И дело не в молодости, вернее, вовсе не только в ней, – простучавшей каблучками где-то за тем поворотом... Кишинёв остаётся в памяти старожилов гостеприимным и щедрым, исполненным дружеских лиц и голосов, городом южной вольности, музыки, поэзии, обретения мира и себя, где в общих многонациональных дворах в середине прошлого века по осени в громадных чугунных казанах соседи варили сливовое повидло; где сообща переживали голод, разруху, землетрясения, сломы эпох, самодурство властей, похороны и свадьбы; где в певчих городских небесах обитают синие птицы, все эти сороки-вороны-синицы-соловьи-сойки-иволги... И как бы ни преображало время лик Кишинёва, его внутренняя основа остаётся прежней. Здесь живут незлобивые люди, – тёплые, открытые, щедрые, – сохраняя некую первозданность восприятия и искренность отношений, давно утраченные в других географических точках, – не зря же так любят посещать нас гости из ближнего и дальнего Зарубежья.

...По глубокому моему убеждению, самые верные документы времени оставляют не историки, не журналисты, не писатели, но поэты. Данная книга – собрание таких сердечных свидетельств о Кишинёве.

Долго и трепетно составлялся, дорогой читатель, этот необычный альбом. У каждого из соавторов его выхода в свет была собственная концепция, своё видение издания, непросто принималось решение, которое устроило всех.

Директор библиотеки русской культуры и литературы имени М. В. Ломоносова, филиала Муниципальной библиотеки им. Б. П. Хашдеу, Маргарита Щелчкова много лет вынашивала идею создания книги стихов о Кишинёве, мечтая собрать под одной обложкой максимально возможное количество произведений, посвящённых ему; проделала колоссальную работу по их выявлению и отбору лучшего, непреходящего. Художник Сергей Сулин, председатель Товарищества *M-ART*, десятилетия вёл своеобразный дневник наблюдений: рисовал портреты кишинёвцев* (около тысячи), его именитых гостей, городские пейзажи, – фиксируя только нашему городу присущие приметы, характерные черты уходящих старых кварталов центра Кишинёва, дорогих каждому его уроженцу. Второй составитель сборника Татьяна Захарова, выросшая на благословенной улице Садовой (ныне А. Матеевича), не смогла расстаться с городом детства и юности навсегда, вернулась из эмиграции, окунувшись в поисковую работу. Поэт и публицист Александра Юнко – старожил Инзовой горки – с готовностью и энтузиазмом подключилась к литературным «раскопкам», пополнив данное собрание редкими поэтическими свидетельствами особой языковой и культурной атмосферы столицы Молдавии середины прошлого века.

Ревниво и пристрастно листали мы изданную в 2011 году антологию «*Chişinăul în literatură*», надеясь, что её выход – только начало разговора о нашем Городе – неповторимом и прекрасном для тех, кто попал под особое его обаяние. А попадали и попадают многие значительные авторы, о чём и свидетельствует наша работа, эпиграфом к которой выбрала Маргарита Юрьевна строчки яркого представителя блистательного Серебряного века русской культуры Игоря Северянина.

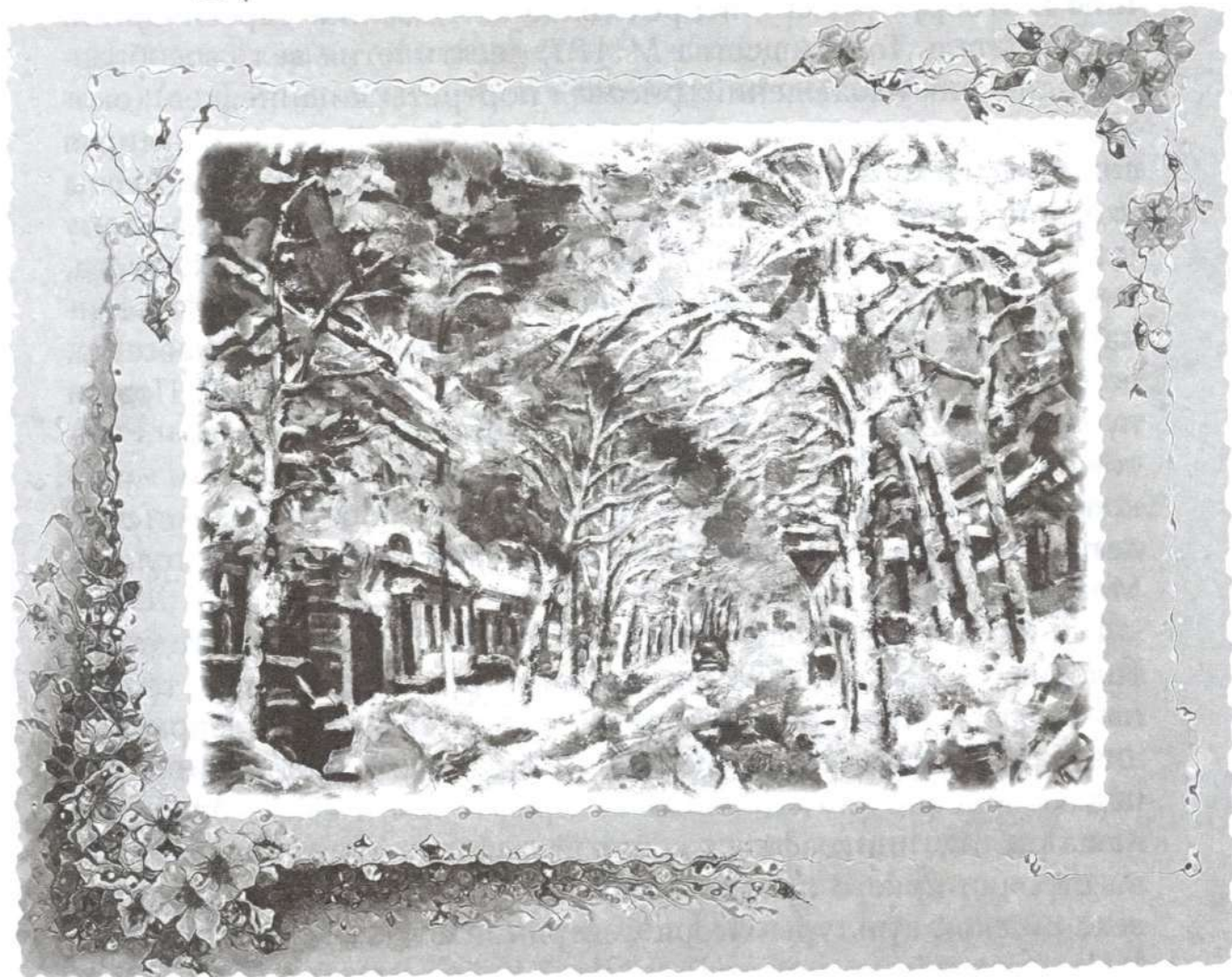
Что же в нём, в этом городе? Что? Кроме несомненной «вишнёвости» и «персиковости»? Почему для нас, причастных к идее данного издания, Кишинёв – безусловный центр Вселенной?! Ответы – здесь, на этих страницах. Счастливого путешествия!

Олеся Рудягина,

«Maestru al Literaturii» Республики Молдова,
председатель Ассоциации русских писателей РМ,
член Союза Писателей Молдовы и СП России.

* перечень персоналий на с. 271-275

Перекресток ул. А. Щусева и Армянской. 2015

Пушкин в Молдавии

По воле царской юный Пушкин,
Друзей оставив тесный круг,
Без сожалений о минувшем
Покинул пышный Петербург.

Кавказ и Крым, красоты юга
Еще помянут вновь и вновь,
Но впереди ждет южный город -
Провинциальный Кишинёв.

А тройка мчит, возница Время
Судеб вершит круговорот.
Им жизни путь уже отмерен,
Но кони мчат пока вперед...

В калейдоскопе кружат лица,
Друзья, дуэли, казино...
В снегах российских будет сниться,
Пьянить молдавское вино.

А от свечи плясали тени,
Ложились строки на листок.
В ночи явился в мир Онегин -
Он лучше выдумать не мог.

А тройка мчит, возница Время
Судеб вершит круговорот.
Им жизни путь уже отмерен,
Но кони мчат пока вперед...

За горизонтом скрылась где-то,
Оставив след свой навсегда,
Священна для души поэта,
Ты, бессарабская весна.

Увы, но время быстротечно,
Ничто не повторится вновь,
Но в памяти слились навечно
Поэт и город Кишинёв.

А тройка мчит, возница Время
Судеб вершит круговорот.
Им жизни путь уже отмерен,
Но кони мчат пока вперед...

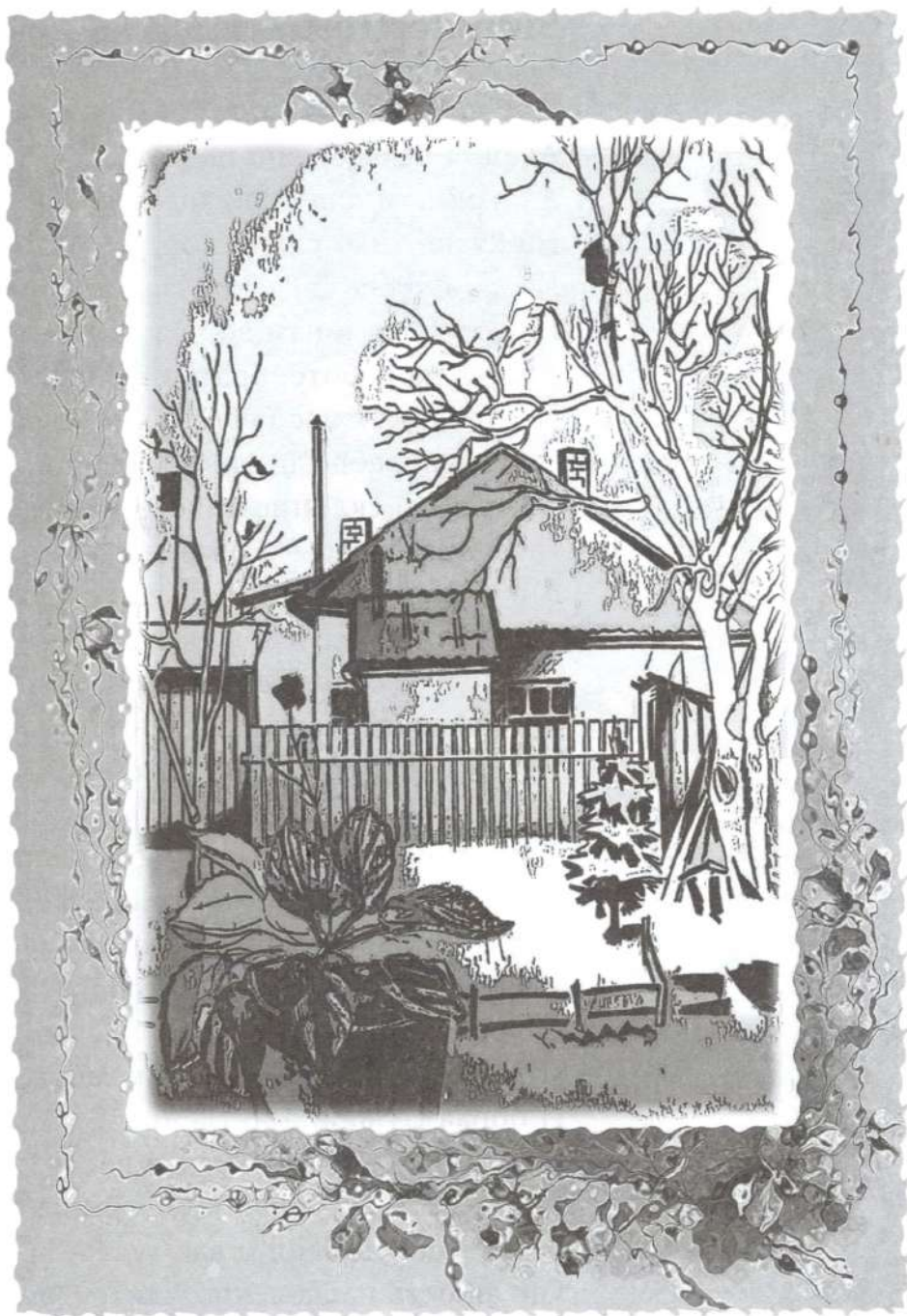
Мальва. Перекресток улиц Армянской
и Кузнечной. 2015

Summertime – 2

Над черепичной шалью Кишинёва
Акация безудержно цветет...
Ах, как нам в детстве было клёво:
На кухне тихо радио поет,
И мама что-то вкусное готовит,
И тетя Ляля к нам вот-вот зайдет,
А папа на работе, братья – в школе,
И Город всех нас бережно несет...
Крест-накрест улицы наброшены
На долгий склон высокого холма,
На магале дворы ухожены,
А в старом городе – трава...
Под двухсотлетнею шелковицей
Орел, терзающий змею,
И «мизер» никогда не ловится,
И «Вин де масэ» где угодно продают.
Котовский с шашкой на коне,
Стефан Великий с царскою короной,
И Ленин в европейском пиджаке,
Вновь в ссылку на задворки удаленный,
И Белый Дом, и Арка, и Собор,
И церковь Константина и Елены,
И котельцовый в трещинах забор,
И образ Пушкина нетленный,
Каштаны, туи и буркутная вода,
Долина Роз, скрипач и Переница
Вернут опять меня и вас туда,
Где юность наша вечно длится.

Окно во двор. 1979

Борис БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

* * *

Снова я в Кишинёв возвращаюсь,
А мне кажется – в рай земной.
Каждый день я в кого-то влюбляюсь.
Но спешу лишь к тебе одной.

Я по лестнице поднимаюсь,
От квартиры свой ключ достаю.
Я влюбился вчера и каюсь,
Что не только тебя люблю.

В мире столько прекрасных женщин,
Можно с каждой сойти с ума,
А любить остается все меньше –
Все на свете венчает зима.

Время мчится неумолимо.
Нет дороги, ведущей вспять.
К нам с тобою пора приходит
Не любить уже, а прощать.

ЦПКМО. Вход от Государственного университета. 1975

Песня о неизменности кишинёвского времени

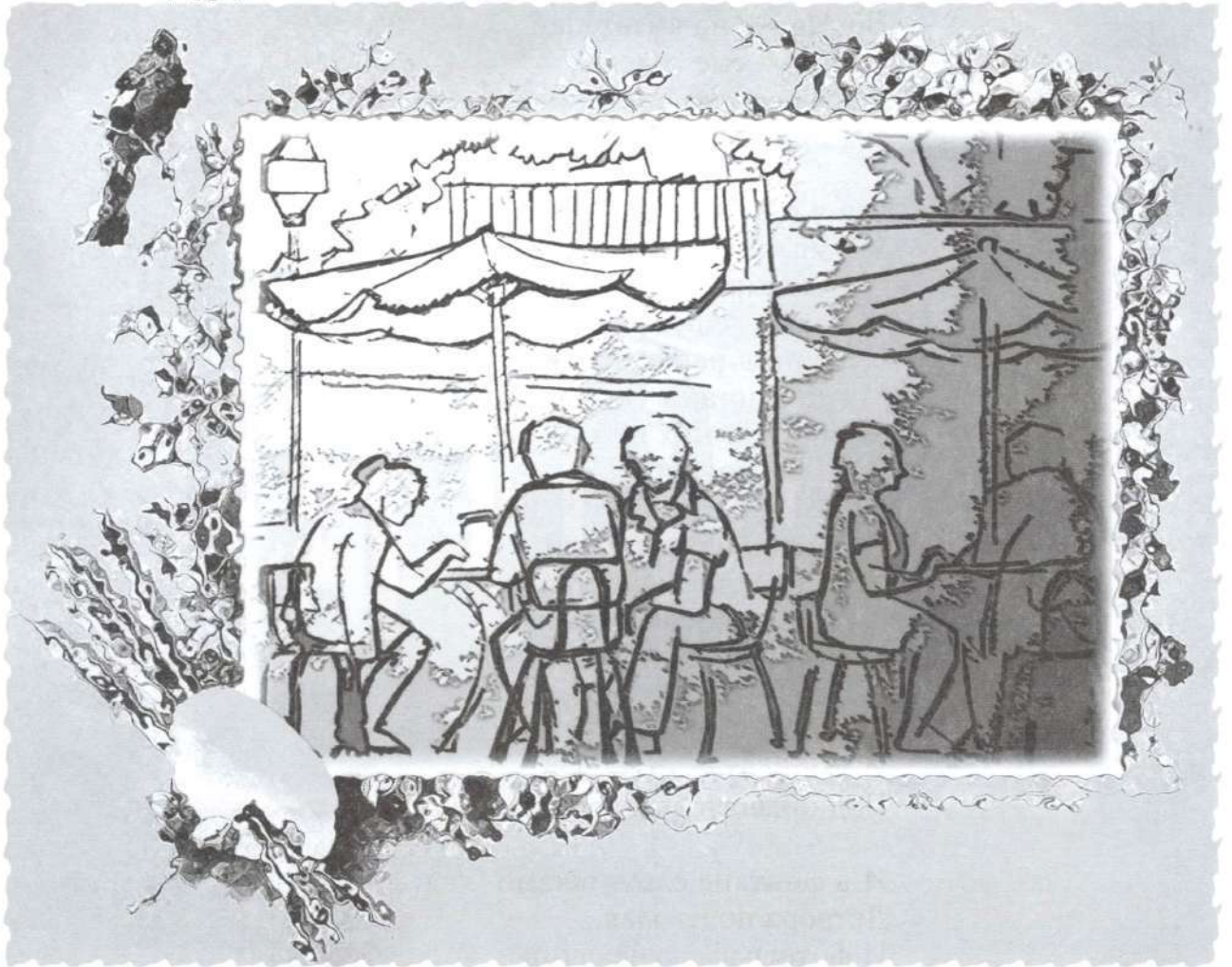
По аллее писателей
Бродят жирные голуби,
Но надменные классики
Выше этой мирской суеты.
Не глядят на читателей
Их чугунные головы,
Даже если по праздникам
Им приносят цветы.

Раз в году эти улицы
Укрывает ковром листва,
Но настырные дворники
Убирают её всё равно.
Пушкин в парке сутулится,
Мимо шастают скромницы.
Жизнь для них в этом городе –
Как цветное кино.

Невзирая на личности,
Этот парк не меняется,
И со львов обязательно
Кто-то падает вниз головой.
И седые отличницы
Здесь, как прежде, встречаются
И танцуют старательно
Под оркестр духовой.

И в фонтане с лягушками
Детвора полуголая,
И фотограф скучающий –
Всё точь-в-точь, как полвека назад.
И на голову Пушкину
Гадят наглые голуби,
И хихикают скромницы,
А старушки ворчат.

Летнее кафе. 1973

Давид ВЕТРОВ

Грядущий Кишинёв

Здесь вырастут зданья. И скверы подымутся ввысь.
И строгие липы навытяжку встанут у входа.
И там, где за волю горячая кровь пролилась,
Раздвинув кварталы, раскинется площадь Свободы.

...Мой внук или правнук! В какой-нибудь день
выходной
Промчишься в авто и где-то за городом выйдешь,
Пройдешься по тихим окраинам, дальше свернешь
И вдруг ты увидишь... О, что ты, мой правнук,
увидишь!
Развалины старого дома... Ты молча глядишь.
Ты шляпу снимаешь, как перед святыней народа.
Мой друг, поклонись этим камням, они – Кишинёв,
Былой, героический, сорок четвертого года.

24 августа 1944 года

Когда вернулся я, шумели тополя,
Меня черешни обступали, словно дети,
И каждый столбик с цифрой 10... 8... 2...
Поцеловать хотелось, как целует ветер.

И мне подсолнухи, как сотни желтых солнц,
Дорогу к городу родному освещали.
На перекрестках у колодцев старики
Моих товарищей-бойцов благословляли.

И я пришел. Передо мною – Кишинёв.
Тобою бредил я, мой город, в огневице.
Я о тебе мечтал в землянке за Днестром,
К тебе душа моя стремилась вешней птицей.

А вот и улица. Вот здесь стоял мой дом.
Ветрами южными здесь детство прозвенело,
Одна лишь липа в оперенье золотом...
Рассвет над липою... А детство? Дом? Сгорели...

Когда вернулся я, шумели тополя,
Меня черешни обступали, словно дети.
И я почувствовал: мне эта вот земля,
Пусть обожженная, милей всего на свете.

ЦПКиО. Верхняя аллея. 1980

* * *

А в местном цирке (на Крутой)
Худой,
Сутулящийся клоун,
Чужая птица, черт в аду,
Встречает публику поклоном,
Играет с нами в чехарду...

Соборный парк, годы бо-е

Невдалеке от шумной танцплощадки
под боссанову, липси или твист,
под крики, перемигиванья, визг
летели деревянные лошадки,
потом остановились. И пружинки,
внутри дрожали, звонкие, пока
у губ, на шее или у виска
пульсировали тоненькие жилки.

Смотреть в глаза, любить и петь велели
мне совесть и призвание мое
как можно объективнее: еще
лошадки по инерции летели,
словами становились смех и руки
одной из женщин на моих плечах,
и сотни птиц чертили в небесах
классические дантовские круги.

Гул нарастал, лихая танцплощадка
опомнилась, ударник волхвовал,
гримасничал, сипел и вербовал
поклонниц из неробкого десятка,
ведущий остроумничал без злости,
и дергалась певица дотемна,
как будто ее током било на
эстрадой называемом помосте...

Казалось мне, что я из круга вышел,
и за чертой уже в конце концов
опять спешил сквозь гиканье глупцов
на чей-то зов
и музыки не слышал.

Гул нарастал, и в этот гул вплетались
мольба и просьба, тишина и стук
сердец и каблуков, и сотни рук
к моим вискам в тот вечер прикасались...

Гул нарастал... Разлука забывалась...

Улицы старого города. 1975

Гицель,
заявка на киносценарий
(отрывок)

2. Панорама окраины. (Натура с достройкой)

Был – вот здесь – аэродром,
проплывал над Старой почтой
«кукурузник», под крылом –
школа,
озеро,
роддом,
люди рабочий,

черепица, кирпичи,
неожиданные встречи,
далее – карьер, бахчи,
колокольчики овечьи,

кошма сторожа в кустах
шелестящей кукурузы,
полдень, тает на устах
ломоть спелого арбуза.

Самолёт тогда летал
низко, чуть не задевая,
ветер штопорный свисал,
и стелилась пыль седая.

Было больше синих стен
и красавиц ярко-рыжих,
и трамвай с Вистерничен
шел по Павловской булыжной.

Керосинщик надрывал
навсегда осипший голос,
было больше на руках
цыпок, шрамов и наколок,
больше пьяных и блатных,
и заплаток на одежде
(на базарах и в пивных
цены, в общем, были те же).

Было меньше гаражей,
больше вдов и инвалидов,
сторожей, очередей
и футбольных фаворитов,

Комсомольское озеро. ЦПКиО. 1979

а напротив жил ИОВ,
вечерами после матчей
каждый из семи голов
комментирующий смачно.

Выползал из конуры
пес, рассветом изумленный,
из ослабшей кожуры
выпадал орех зелёный,

и субботняя звезда
возникла из-за тучи
(синей капелькой с весла
канет в озеро беззвучно).

У расшибленной стены
кто-то с шумом пробку выбил...
Кажется, в такие дни
гицеля никто не видел.

Посвящение сестре

Расплавленный асфальт. Вистерничены.
Гудят машины. Медлят маневровые.
А мы в саду грызём шары айвовые,
мы не покинем этот сад ничейный.

Мы не покинем этот сад ничейный
и полдень с маневровыми свистящими.
И перед каждым яблоком светящимся
колени преклоним благоговейно!

Из поэмы «Похороны Пьеро»

Анна,
ты помнишь? – у нас за плечами Рышкановка,
краны подъемные, полдень ромашковый,
пряный!

(Не покидай меня, Анна!)

Шпили

высотных домов, как в подрамниках,
тихо колеблются в облаке мраморной пыли.
(Как мы друг друга любили!)

Комсомольское озеро. ЦПКиО. 1979

Мой белый город

Мой белый город, ты цветок из камня,
Омытый добрым солнечным дождём.
Как ветрами, овеян ты веками,
Как песня, в сердце ты живёшь моём.

Мой тёплый город в переливах света
И в зелени, и в звёздах, и в огнях.
Я так люблю, когда живут рассветы
На улицах твоих и площадях!

Мой нежный город – свет мой негасимый,
Ты весь в моей, а я – в твоей судьбе.
Так радостно здесь встретиться с любимой
И вновь услышать песню о тебе!

Мой белый город, вечный, как сказанье,
В тебе наш труд и молодость, и смех.
Я чувствую всегда твоё дыханье,
Ты мой, ты наш, и ты открыт для всех.
Город мой родной!

Перевод – В. Лазарев

Чуфлинская церковь (Церковь Св. Феодора Тирона. 1858). 2017

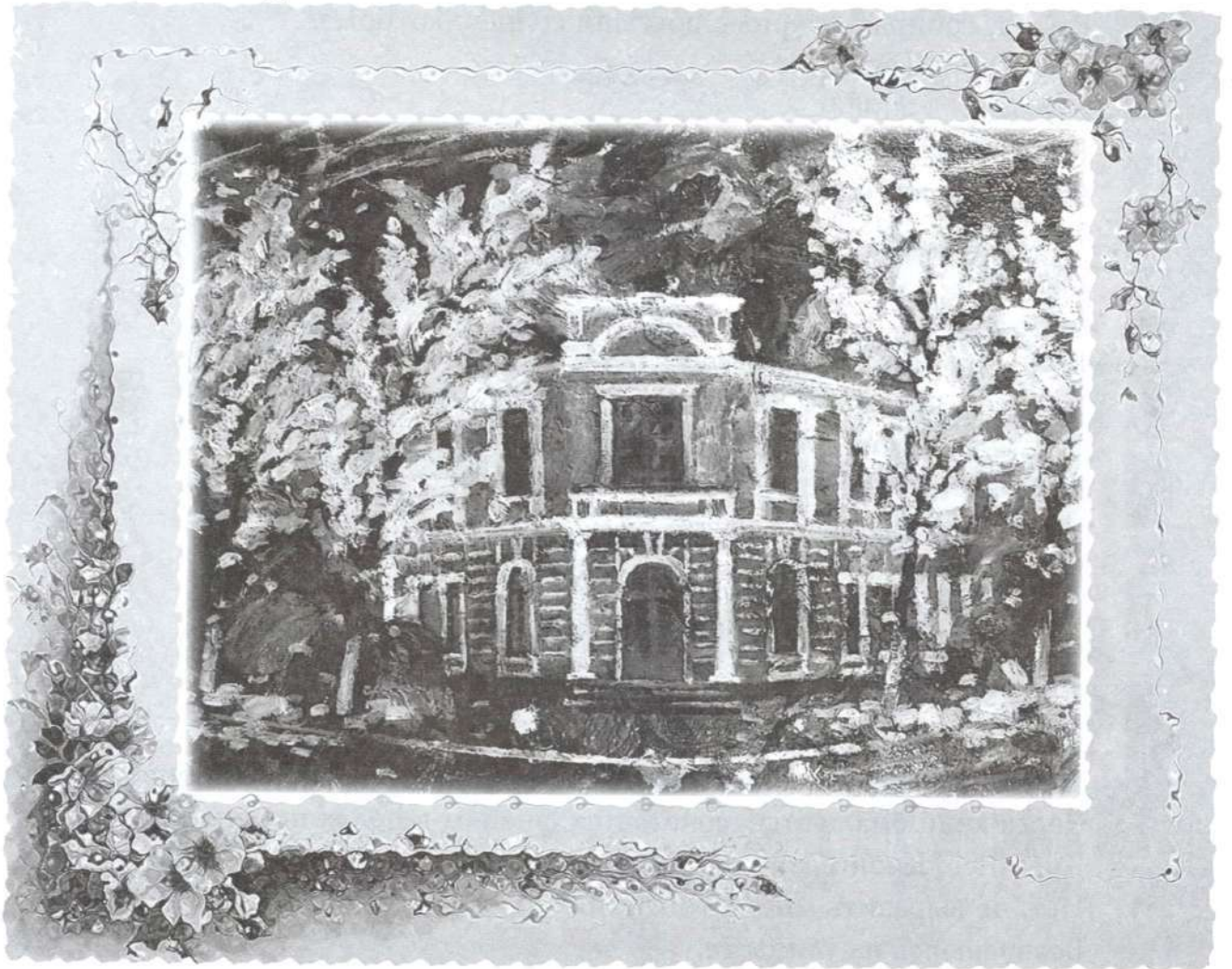

Наталья ГАНДЗЮК

* * *

Здесь нельзя очень быстро.
Не успеешь увидеть, услышать, постичь
Гром, шуршание листьев после жаркого лета,
Осенние трещины стылых и горьких ночей.
Здесь рождаются люди,
Растут, собирая ажурные россыпи солнечных брызг,
Этот город живой.
Этот город живой.
На огромном холме вихрь из воронов чёрных
Осеньет кресты и могилы бесконечного кладбища
Тех, кто был, кто любил нас,
И льётся на землю вино – причащаются все.
Собака сыта, и её покормили, о как же
Непосильна, светла эта память о тех,
Кто запомнил тебя, Кишинёв.
Эта радость присутствия ближней звезды,
Разливается свет как будто без трудностей, так беззаботно,
Что хочется знать – о каком одиночестве стонешь?
В Кишинёве, в раю, где соседи друг другу кивают,
Говорят, как поют, а поют, как взлетают.
Как тепло...
Как тепло!
Как у матери рядом тепло,
И как больно – не можем принять эту яркость и эту подробность,
Через край она льётся, сочетается с небом в полях просто так.
Кишинёв, Кишинёв,
Нет, не выразить мне, я бегом побегу,
Возвращаясь на улицы те,
Где по гладким камням перед светом везли молоко,
И где до сих пор не пройти, как от снега,
От опавших цветов,
Где прошло моё детство, и я промелькнула в садах, во дворах...
В звеньях очень простых, как вода или сон, очень близких к Любви.
Кишинёв, Кишинёв...

Осень. Перекресток ул. Армянской и А. Шусева. 2015

Виктор ГОЛКОВ

* * *

Я ощутил родство между собой
и кладбищем еврейским в Кишинёве,
как будто пробудился голос крови
и взвыл Иерихонскою трубой.

И Театральный переулочек мой
забыть навечно не хватает силы:
кружат над ним знакомые могилы,
как ласточки – и летом, и зимой.

Из эмигрантской дали грозовой,
спускаясь вниз по снам, как по ступеням,
в осенний сад, к таинственным растениям,
где не поймешь – кто мертвый, кто живой.

* * *

Правда, что жила во мне,
Исчезает неизвестной.
Я над плоскостью отвесной
Наклонился: что на дне?

Детство, молодость моя,
Переулочек Театральный,
Контур прошлого овальный.
Дом, родители, друзья.

В темной суতোлке лип
Запах, сладкий до истомы,
И парящий, невесомый,
Белой лестницы изгиб.

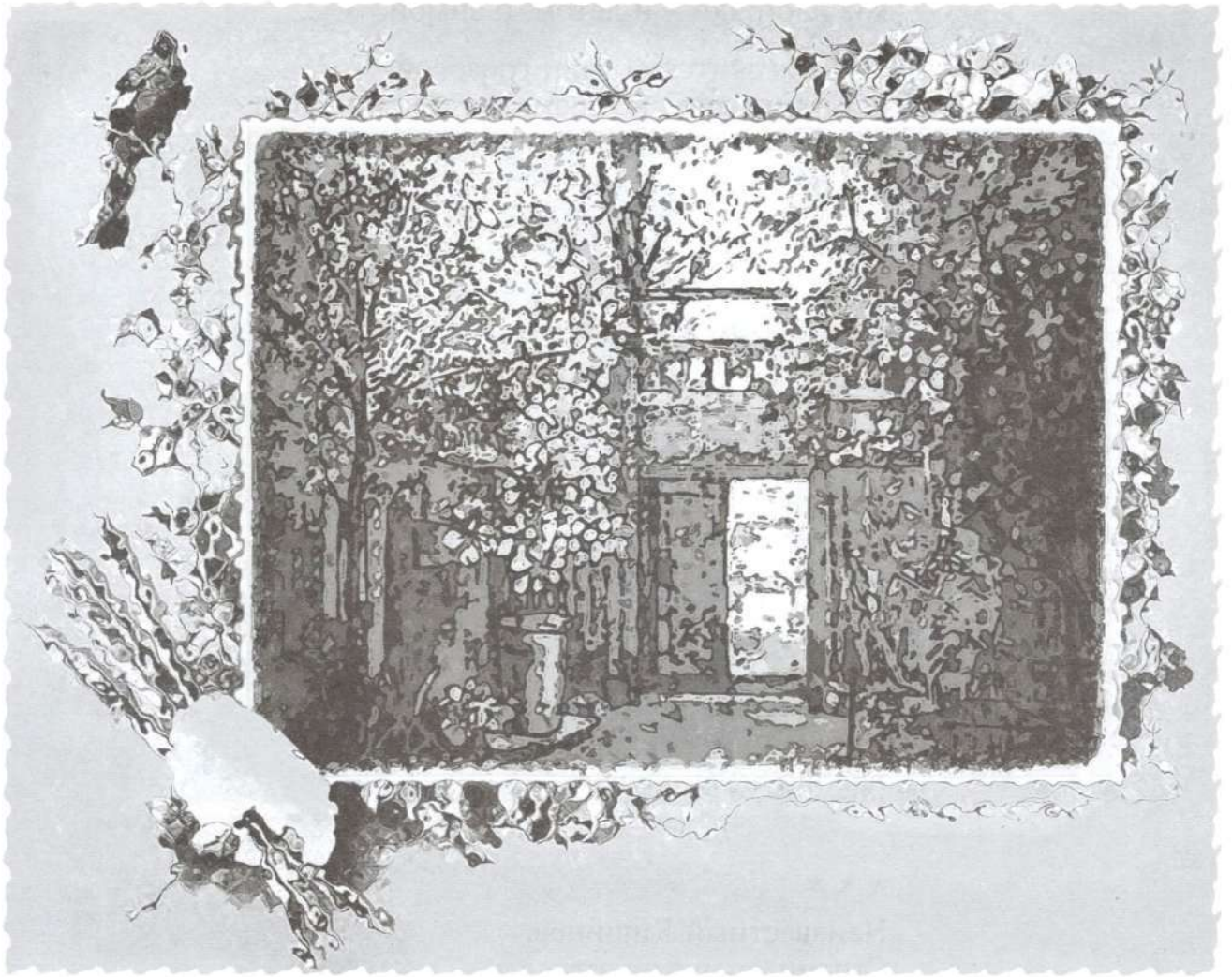
* * *

Неизвестный Кишинёв,
Странные, чужие взгляды.
Он воскрес из мертвецов
И восстал после распада.

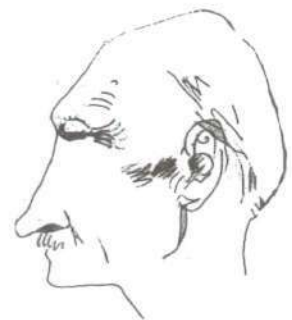
Ни знакомых, ни родни,
Ни товарищей по школе.
Только тополи одни
Светятся в своём раздолье.

И до глупости близка
Та же ржавая калитка.
И скребётся у виска
Счастье – слабая попытка.

Кишинёвский дворик. 1975

* * *

Вспоминаем Союз, вспоминаем,
Где-нибудь в Палестине, на дне.
Словно близких своих поминаем...
И увядшая пальма в окне.

Где ты, галстук смешной, пионерский,
мой портфель и учебники в нём?
Я иду в кинотеатр по Бендерской,
опоясанный школьным ремнём.

Значит, это действительно было –
первый класс и последний звонок.
И окликнула мать из могилы:
ты ещё не обедал, сынок.

* * *

Не пишется – такая пустота.
Кромешный зной, последняя черта.

И рокового времени приметы,
кровавый бред впитавшие газеты.

Готов ли к смерти? К жизни не готов,
и снится мне ночами Кишинёв.

Прозрачный воздух, озера пятно,
его поверхность, сердцевина, дно.

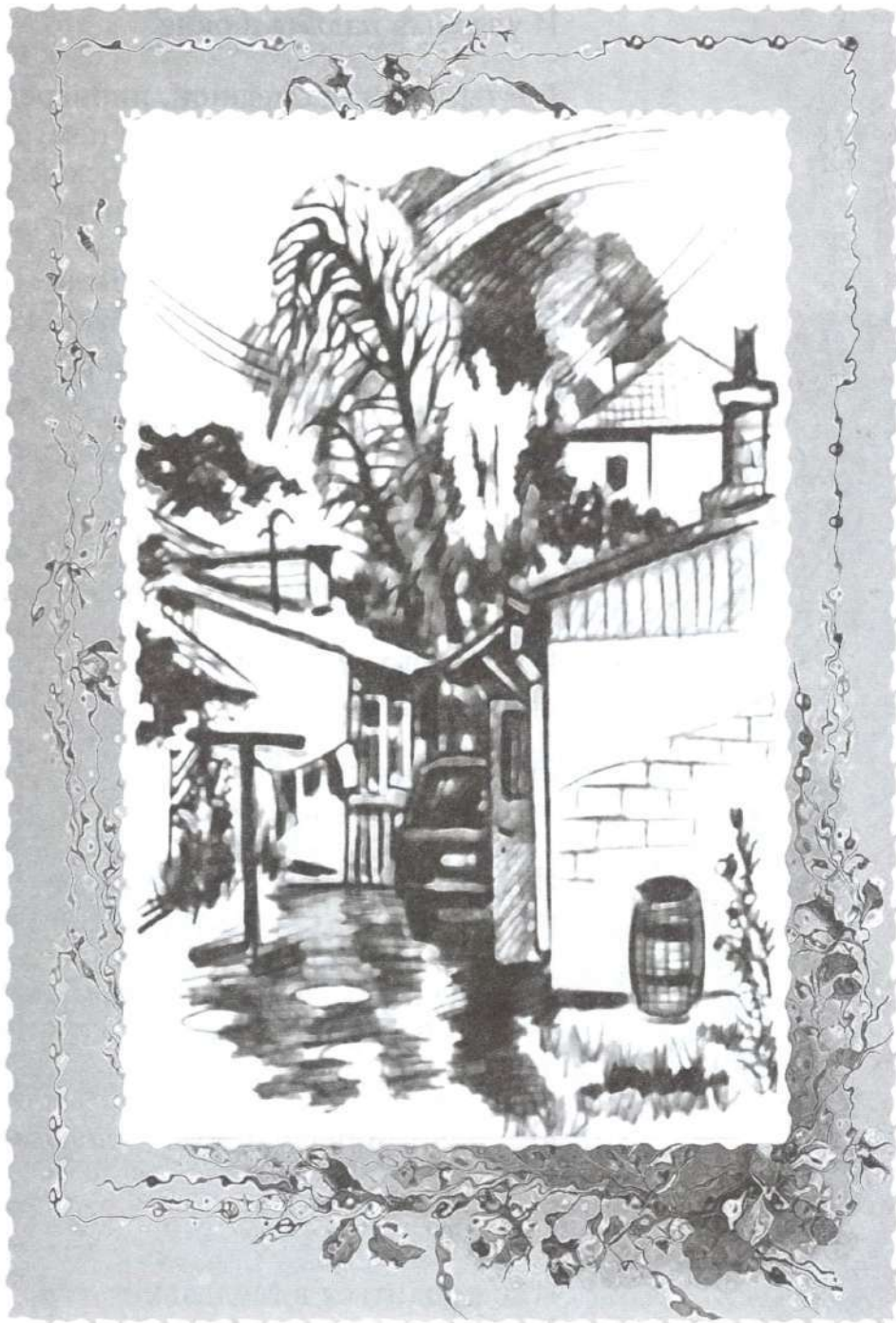
Тот переулок, где пришлось родиться,
и парк, в котором можно заблудиться.

Спешу домой, где точно – мать с отцом,
чтоб с ними перекинуться словом.

* * *

Итак, родиться в Молдавии,
Чтоб душу отдать в Америке,
Где-то в больнице в Бруклине,
От моря недалеке.
В железной её стерильности
Неуместны истерики,
И вены переплетаются
На пожелтевшей руке.

Кишинёвский дворик. 1995

А может быть, лучше где-нибудь
В израильском поселении
Пулю поймать залётную
По дороге домой.
Услышать во сне тягучее
На древнем иврите пение,
Когда трава пробивается
Сквозь ржавый песок зимой.

Но мне бы хотелось всё-таки,
Уже ни о чём не ведая,
Заснуть на Скулянском кладбище,
Где не хоронят давно.
Трава там почти до пояса.
У памятника беседа,
Присядут два молдаванина
И выпьют своё вино.

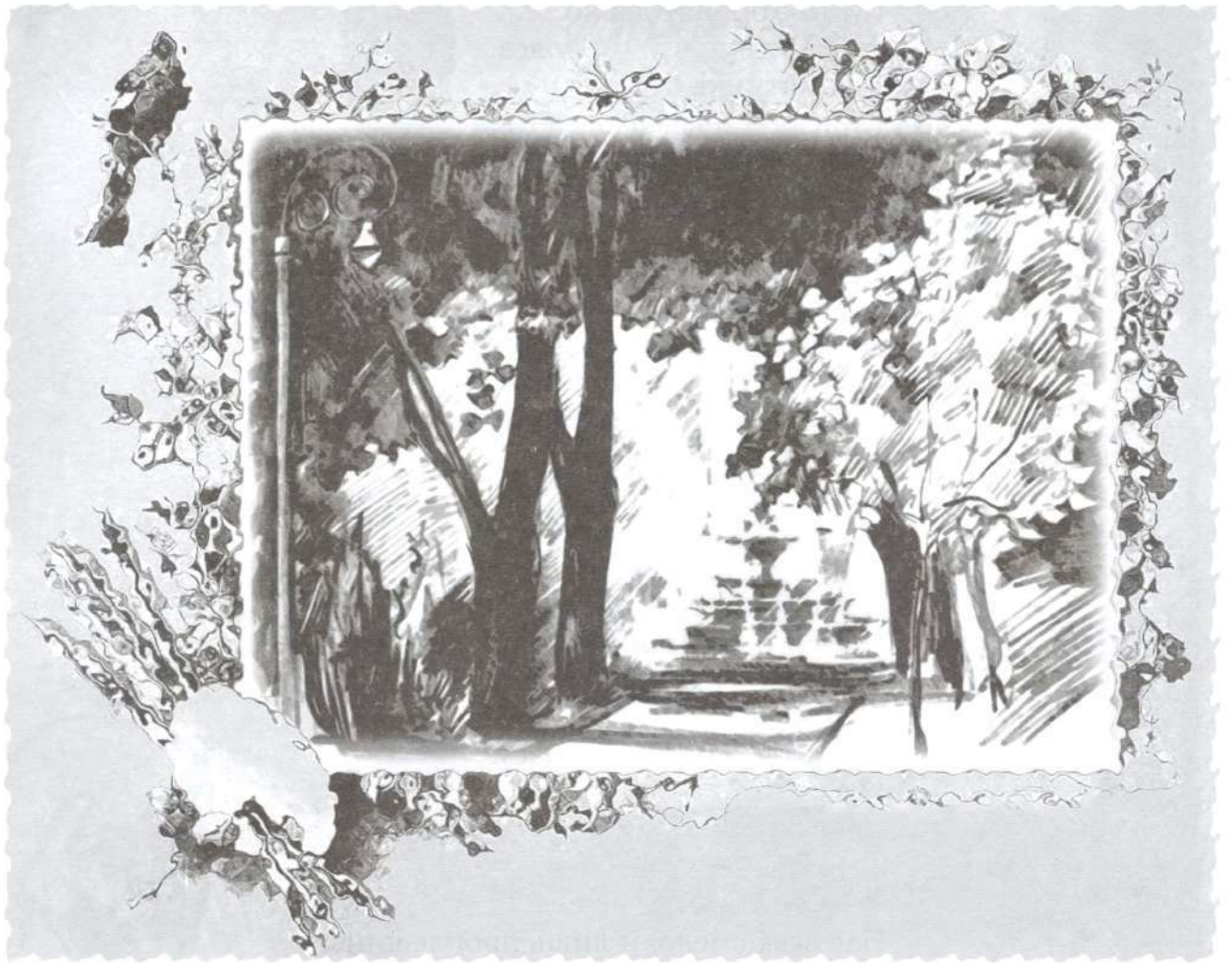
* * *

Не уходит в туман электричка,
и деревья не стынут в снегу.
Взгляд твой тяжкий и хмурый, москвичка,
равнодушно принять не могу.
Ностальгия нахлынула снова,
то же самое было со мной.
Помню чёрную ночь Кишинёва
и каштан возле дома весной.
Я твой брат по изгнанию и вере,
по земле, что горит на весу.
Безнадёжное чувство потери,
как и ты, молчаливо несё.

* * *

Нас всех смело, и лишь проплешины
в траве за окнами черны.
Сквозняк плурует, как помешанный
в кругу вселенской тишины.
Мы так исчезли незамеченно,
как в полночь угнанный «Москвич»
невдалеке от Пересечина
и от посёлка Гидигич.

Парк им. А.С. Пушкина. 1975

Кишинёв

Какой размер для этих мостовых
мне выбрать, угадав несмелыми шагами?
Скрипичный звякнул ключ и: до-ре-ми –
степенна улочка, как девочка над гаммой,
склонила набок бант, простите, дом.
В ней все под солнцем зыбко и неясно.
Над тщательно причесанным кустом
пригорок есть. Там детский сад и ясли.
Не будет горя, если детство здесь
сияет, как июль, то золотом, то синью.
И белая стена за проводами есть –
как нотная тетрадь, и птицы в ней расселись...

Выпускной бал

С. Р.

Мой город пуст, как перед сносом дом.
Он сиротою без меня остался.
Он брошен мной. И незачем скитаться
по улицам под оклики авто.
Здесь даже псы меня не узнают,
а на Рышкановке цикады звонче стали,
назло бетону, арматуре, стали,
ворвавшимся в их маленький уют.
Здесь первая любовь с цепи срывалась,
всё силилась догнать и рассказать,
что выучила алгебру на «пять»,
и физику... и как-то раз сорвалась.
И алгебра оценена была
в три балла, а за физику был «неуд».
Но, боже мой, какой достался невод
из слез и смеха на не-выпускном балу!
Его тянула из последних сил,
держала равновесье у обрыва.
Ту школьную, единственную, было
дано мне выучить от сих – до сих.
Я в той ночи осталась навсегда.
Так вот что я ищу, как след Мамаю!
Я ЗДЕСЬ стою, границу охраняя
от следующей любви... Ну да... О, да!

Улица А. Щусева. 2000

Мой город

Когда мой город Кишинёв
учил меня азам и букам
и прятал в тень окрестных буков,
чтоб я не опалила щёк
под знойным солнцем, я ещё
не ведала, какие муки
мне на десерт припасены –
хоть с малолетства знала сны –
но в этом городе, туманном
от злых пород известняка,
любая явь любым обманом
покажется без сквозняка...
...а осенью в монетный двор
мой подоконник превращался,
и в золото переплавлялся
серебряный и медный сор
так рьяно, что листвы узор
минуту каждую менялся.
Я выросла. И Кишинёв
гонять меня под солнцем начал
сквозь строй приятельских подначек
до хрипоты, до впалых щёк,
и, стройкой потесненный, шёл
на щепки лес, огнём охвачен,
метался, жаркое тепло
хранил, а время всё текло:
ни леса сильных, щедрых буков,
ни золотых его монет...
Не стало друга. И подруги
простыл одновременно след.
Я разгребаю свой завал
ненужных знаний неустанно,
и в двадцать пять куда как странно
в зеркальный заглянуть овал,
где в позолоченном плаще
один из буков тихо метит
меня прозрачной тенью веток,
где нянчат, пестуют ещё,
а я твержу: аз, буки, веди...

Рышкановский парк. 1978

Вторая жизнь

Искусство, как тонюсенькая нитка,
связует разведенные мосты.
Единственная, может быть, попытка
смерть победить – искусство, это ты.

Поэты молодеют, умирая.
Смерть – это смерть для нравственных калек,
а смерть поэта – молодость вторая,
вторая жизнь, – теперь уже навек.

И прошлое, как под водою Китеж.
Там голоса, как колокольный звон,
и если камень в эту воду кинешь, –
свистя, его метнет назад Вийон.

Там прошлое целуется, смеётся,
и, сочиняя полунаугад,
в трактире пьёт заслушавшийся Моцарт
убийственный лишь для убийцы яд.

Там Пушкин на базаре кишинёвском
припал губами к юному вину
и, хохоча, швыряет кошелёк свой
цыганке, нагадавшей смерть ему.

Историю, как пыльную картину,
повешенную криво навсегда,
хотел бы я, как дерзкий Буратино,
проткнуть длиннющим носом, и – туда...

А там Ахматова, такая молодая,
в Париже утреннем, качающем мосты,
привстав на цыпочки, в окошко Модильяни
бросает красные тяжёлые цветы.

*Ночная смена. Швейная фабрика
на ул. Болгарской. 1989*

Алексей Парамонов

Менялись времена. Девчата с поролоном
ходили на «Динамо» поболеть.

Но был красивей всех Алеша Парамонов,
держа сердца в руках – не менее чем треть.
Мы знали всю Москву отлично – по районам.

А если где был парк – весь парковый массив.

Но где же был рожден Алеша Парамонов,
красивый, как Париж, и более красив?

Мне нравился он весь – до золотого зуба,
который освещал все парки на земле.

Играл не как Бобров, но как зато негрубо
и аристократичней, чем Пеле.

Достоин красотой он саги был и мифа,

Мат не употреблял, ну разве «Д'на фига!»

В Алешу влюблена была любая фифа,

жаль, главным не был он в той – как ее? – ФИФА.

Двадцатым веком в пыль он не был перемолот,
и двадцать первый век нам не сотрет лица.

Вчера мне позвонил Алеша Парамонов:

«В Молдову все летим, включая и Стрельца».

Наутро – самолет. Он дружески скрежещет.

Советский старый друг – он всех нас узнает.

Со мной в одном ряду Бубукин и Крижевский,
а Хомич – капитан и валидол не пьет.

И это все не сон... Летим почти по-царски,
вдыхая аромат футбольных прежних трав,
и Эдик мне в плечо уткнулся по-пацански,
постанывая чуть от стольких старых травм.

Опять летим играть во имя всех народов
республик бывших всех, и племени зулу,
и приглашение вновь от местных винзаводов,
а что за договор – для ясности замну.

Выходим на игру. Хотя звучат два гимна,
встречает побратимно Кишинёв.

Молдавское вино вновь, Леха, легитимно,
и ничего, что пуст пока мой кошелек.

Улицы старого города. 1975

* * *

О, наши встречи в Кишинёве!
И бесприютные метанья,
как испытанье отчуждением,
вернувшихся из дома в дом!
Где в каждом высказанном слове
такая горечь пониманья,
Такая боль воспоминанья
и испытания стыдом.

Мы так надолго все запомним
и все забудем, возвращаясь.
И задохнемся, лишь увидев
скольжение взлетной полосы.
Опять почувствовав бездонность,
бездонность времени под краем,
где лишь Сатурн пересыпает
свои песочные часы.

По Садовой

I
Мы выросли на старом абрикосе,
мы, как скворцы в его сновали кроне,
мы круглый год плоды его вкушали:
от завязей до жесткой кураги.
Одуревали от его цветенья,
от вкуса недозрелых абрикосов,
от шелеста листвы, от красных веток,
янтарною пропитанных смолой.
Он, как ковчег вобрал в свою утробу
нас четверых, наивных и веселых.
Дал кров, еду и утешенье сердцу,
когда мы все влюбились в первый раз.
И вдруг внезапно сделались несчастны:
нахохлившись, как куры на насесте,
на четырех своих сидели ветках,
вздыхая о превратностях любви.
Но кто-то вдруг, глаза подняв, заметил
над головою солнечную россыпь.
И поняли тогда, что пропустили
мы время созревания абрикос.
Любовь-любовью, а ведь только детство!
Мгновенно позабыв свои страданья,
мы снова были старыми друзьями,
птенцами сумасшедшего двора.
Минуло сорок лет. И нет Иришки...
Толян сидит, Валерка в фатерланде.
Но, Боже мой! Как сладко ноет сердце,
когда я вижу спелый абрикос.

Кишинёвский дворик. 1975

II
Вдоль по улице Садовой прокатилось наше детство.
Ах, какую же садовой эта улица была!
И на улице Садовой, безусловно, знали средство,
чтоб такую же садовой оставалась голова.
В абрикосе пели птицы, за стеной гуляли свадьбу,
и под общий хор подстраивался пьяненький смычок -
как бы эти все фрагменты воединое собрать мне,
чтоб нигде не затерялся ни кусочек, ни клочок.
Нет, солидной не была она, скорее хулиганской.
Только память отпускаешь - за спиной друзья стоят:
- Ты откуда?
- Я с Болгарской! - Я с Бендерской! - Я с Армянской!
- Я же с улицы Садовой, я навек ее солдат!
Не такой уж бестолковой стала босота с Садовой,
нас рассеяло по миру, словно ветер разбросал.
Только улицей Садовой ты навеки арестован.
Арестован, околдован и навек ее вассал.

* * *

Е. Леонгарду

И найдется всегда музыкант
с саксофоном, с гитарою, скрипкой...
в этом городе или в другом,
в прошлом веке ли, в этом году.
Время, место... Да в этом ли суть?
Но своею чеширской улыбкой,
отрешенным шаманским лицом
он удержит меня на плаву.
И гармонией высшей влеком,
он абстрактен, он вечен, как небо -
все такая вокруг ерунда
по сравненью с его ремеслом.
Пусть не так высоко и легко.
Не изысканно, но не нелепо:
саксофон и над ним два крыла
реют в старом саду городском.

* * *

В Кишинёве, где каждый пятый - поэт
но, увы, лишь каждый десятый - художник.
Destinatio, каких чудес только нет:
от внушительных до ничтожных.

Здесь не кофе пьют по утрам, не сок:
полстакана крови - и за работу.
Чем-то занят художник, мой странный бог,
Что-то пишет поэт, не умней ни на йоту.

Оттепель. Старый город. 2002

Да, не хлебом единым, но как же – без?
Да, не кровью одной, иногда и компотом.
На запястье моем заживает порез,
И тускнеет на шпаге твоей позолота.

* * *

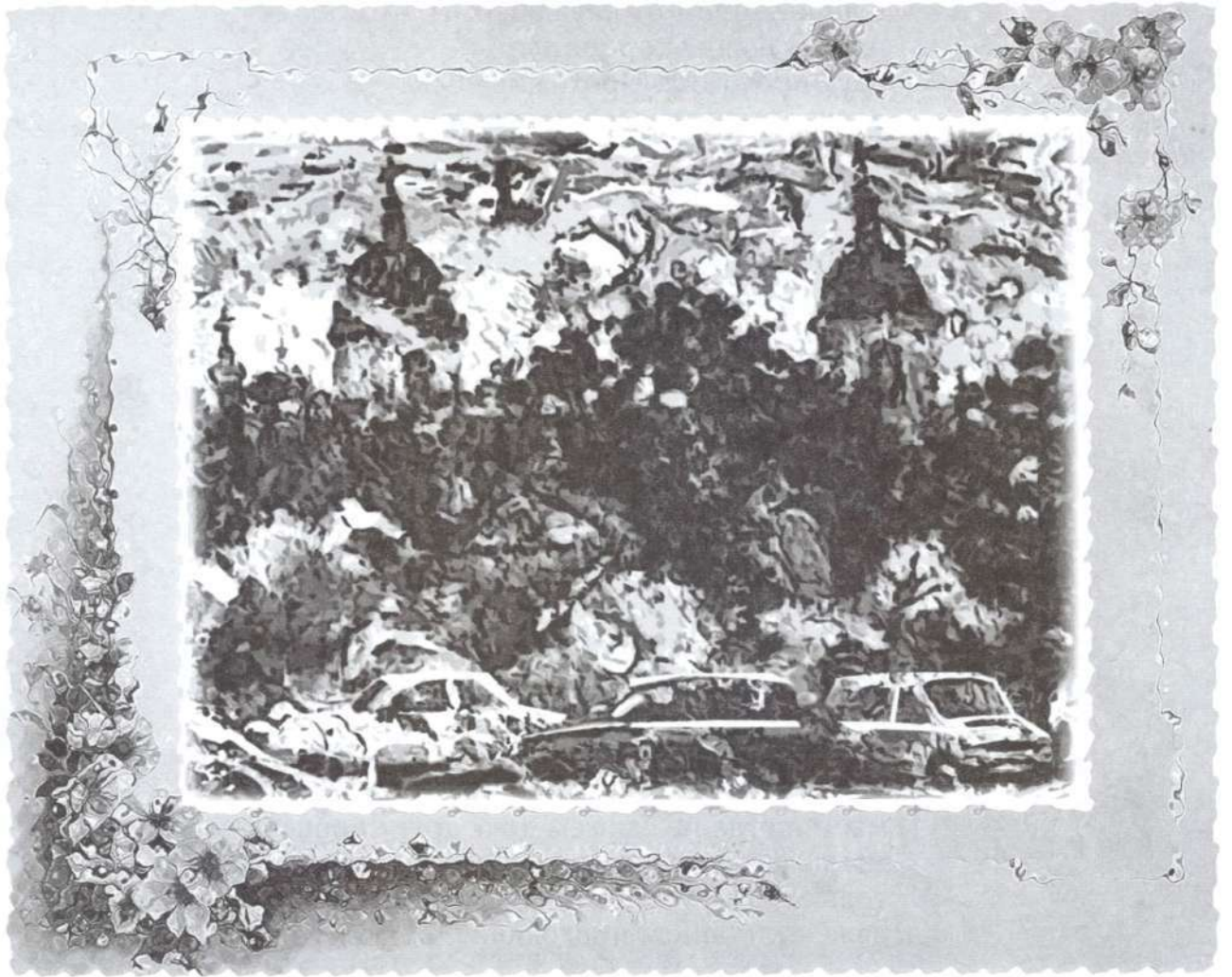
В этом городе пахнет сажей
и прогорклой водой из реки.
В парке – пони с увядшим плюмажем.
И фотограф, чумной от тоски,
попытался заснять лениво
в день второй от начала зимы
пробегающих торопливо
двух прохожих. Прохожие – мы.
Здесь туман не дает просветов,
осыпаясь в виде дождя,
на аллее, на чахлый букетик
у подножья чужого вождя.
Заблудившись в этом тумане,
и с сознанием еще не в ладу
кофе в пластиковом стакане
торопливо пью на ходу.
И уже силуэты четко
проступают среди теней:
вот троллейбусная остановка,
вот толпа. Я сливаюсь с ней.

После транспортной камасутры,
после давки и кутерьмы,
наконец, понимаю: утро.
День второй от начала зимы

* * *

мы никогда не скажем друг другу прощай
мы называем лишь имя связавшее нас
только ты губ от щеки моей не отнимай
даже если юнцы проходящие вгонят в крас-
ку если посмотрит косо идущий мент
и оборвется плащ с моего плеча
даже когда нашей жизни нажмут delete
я ни за что не скажу тебе слова прощай
из тель-авива из черт откуда из барселоны своей
чтобы назавтра у пушкина ровно в три
ты прилетишь я знаю за семь морей
и успокоишь меня и согреешь меня ты при-
жав к своему такому живому плечу
но это же миг это миг и сквозь пустоту
джинджер не покидай меня джинджер кричу
но самолет уже набрал высоту.

Вознесенский собор. Улица Г. Уреке. (XIX век). 2015

